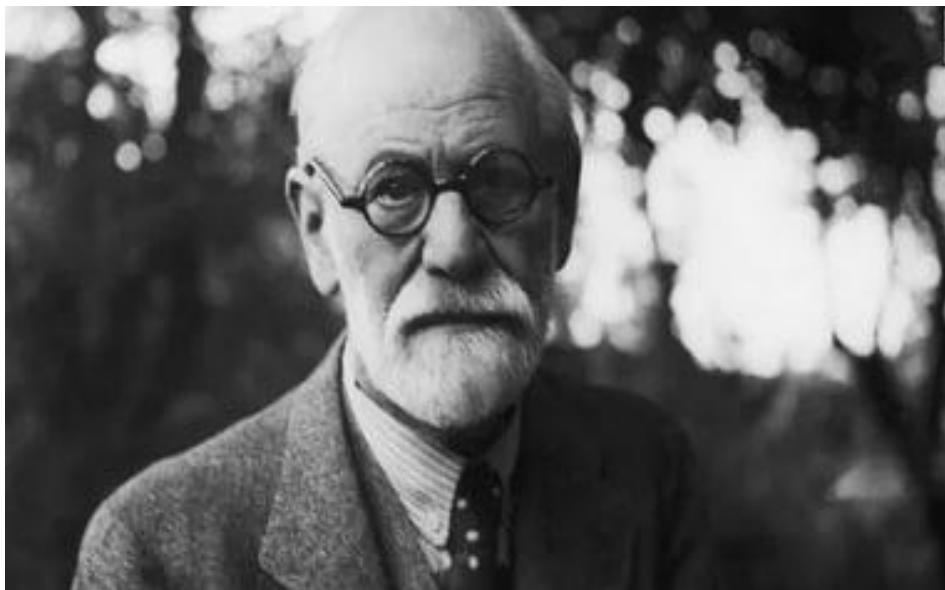

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в городке Фрейберге, находящемся недалеко от границы Пруссии и Польши. Пять улиц, два цирюльника, с десяток бакалейных лавок и одно похоронное бюро. Городок

находился в 240 км от Вены и никакие ароматы бурной столичной жизни туда не доходили. Отец Фрейда Якоб был бедным торговцем шерстью. Недавно он в третий раз женился - на девушке, годящейся ему в дочери, которая год за годом рожала ему детей. Первенцем и был Зигмунд. Новая семья Якоба располагалась в одной, правда, достаточно просторной комнате, снимаемой в доме вечно пьяного слесаря-жестянщика.

В октябре 1859 года вконец обнищавшие Фрейды пустились на поиски счастья в другие города. Обосновались сначала в Лейпциге, затем в Вене. Но и Вена материального достатка не дала. "Бедность и нищета, нищета и крайнее убожество",- так вспоминал Фрейд свое детство. А еще прилежную учебу в лицее, успехи в языках, литературе, особенно античной, философии, похвалы учителей и ненависть сверстников, доводящих черноволосого отличника с тяжелыми кудрями до слез. Из школьных лет он, очевидно, вынес неудобный для последующей жизни комплекс: нелюбовь смотреть собеседнику в глаза.

Впоследствии, как и положено бедному еврейскому юноше, он увлекся политикой и марксизмом. Его лицейский друг Генрих Браун, основавший в 1883 году вместе с Каутским и Либкнехтом Die Neue Zeit (орган немецкой социал-демократической партии), приглашал его сотрудничать. Но Фрейд сам не знал, чего хотел. Сначала он думал о занятиях правом, потом - философией. В результате, морщась от отвращения, отправился в медицинский - типичное поприще для юноши его национальности в то время. Преподаватели относились к нему так себе. Им не нравилась его непоследовательность в увлечениях, поверхностность и ориентированность на быстрое и легкое достижение успеха.

После окончания медицинского факультета Фрейд ринулся в институт физиологии, где и проработал с 1876-го по 1882 годы. Он получал различные стипендии и с упоением изучал половые органы угря и других подобных тварей. "Никто никогда,- кипятился Фрейд,- еще не видел яичек угря". "Это были не половые органы угря, а зачатки психоанализа",- хором говорили годы спустя его последователи-психоаналитики.

В 1884 году Фрейду надоедают угри, рыбки и ракообразные, и он уходит в лабораторию профессора клинической психиатрии Мейнерта, чтобы заняться

изучением мозга человеческих зародышей, детей, котят и щенков. Это было увлекательно, но не прибыльно. Фрейд пописывал статейки, написал даже книгу по модной тогда теме - афазии, расстройстве речи у больных, перенесших инсульт, но - тишина. За 9 лет последующих лет было продано всего 257 экземпляров книги. Ни денег, ни славы.

А тут еще любовь. Однажды на отдыхе он увидел 21-летнюю, хрупкую, бледную, невысокую девушку очень изысканных манер - Марту Верней. Ухаживания Фрейда были своеобразными. 2 августа 1882 года, спустя несколько месяцев после знакомства, он ей пишет: "Я знаю, что ты некрасива в том смысле, как это понимают художники и скульпторы". Они ссорятся и мирятся, Фрейд устраивает яростные сцены ревности, периоды кошмара сменяются счастливыми редкими месяцами согласия, но жениться без денег он не может. В 1882 году Фрейд поступает учеником в главный госпиталь Вены и получает там через год пост ассистента. Затем ведет там же платные занятия для стажеров, но все это - сущие гроши. Полученное звание приват-доцента по невропатологии тоже кардинально не меняет его положения. В 1884 году появляется наконец надежда разбогатеть. Фрейд привозит в Вену из Мерка малоизвестный тогда алкалоид - кокаин - и надеется первым открыть его свойства. Однако открытие совершают его друзья Кенигстен и Коллер: Фрейд уехал отдохнуть с невестой, доверив начать исследование им, а они к его приезду успевают не только начать, но и закончить его. Мир узнает сенсацию: кокаин обладает локальным обезболивающим действием. Фрейд повторяет на каждом углу: "Я не в обиде на мою невесту за упущенный счастливый случай". Однако в своей автобиографии много позже пишет: "Из-за моей помолвки я не стал знаменитым в те молодые годы". И все время сетует на бедность, медленно приходящий успех, трудности в завоевании расположения людей, сверхчувствительность, нервы, заботы. В следующий раз Фрейд упустил свой шанс в Париже, когда ездил стажироваться к доктору Шарко - тому самому, который изобрел контрастный душ. Шарко лечил истеричек, а таких на рубеже веков было больше, чем грибов после дождя. Женщины в едином порыве падали в обмороки, не видели, не слышали и не чувствовали, хрипли, рыдали и накладывали на себя руки. Тут-то Фрейд и надеялся показать, на что он способен. Перед отъездом он пишет своей невесте: "Моя маленькая принцесса. Я приеду с деньгами. Я стану великим ученым и вернусь в Вену с большим, огромным ореолом над головой, и мы тотчас же поженимся". Но приехать с деньгами не получилось. В Париже Фрейд употреблял кокаин, шатался по улицам, попивал абсент, возмущался внешним видом парижанок (безобразны, кривоноги, длинноносы), по ночам сочинял глобальный труд. О своей работе в одном из писем он говорил: "Каждую ночь я занимаюсь тем, что фантазирую, обдумываю, строю догадки, останавливаясь лишь тогда, когда дохожу до полного абсурда и изнеможения". В общем, у Фрейда с Шарко не сложилось. Темные глаза Шарко, источавшие необычайно мягкий взгляд, смотрели больше поверх головы молодого Фрейда, без стеснения делящегося со своими друзьями ставшей навязчивой к тому времени идеей: "Чем я хуже Шарко? Почему я не могу быть таким же знаменитым?" По вторникам Шарко устраивал публичные сеансы, которые Фрейда завораживали (картина с изображением такого сеанса всегда висела впоследствии в его кабинете). В зал, набитый до отказа зрителями, вводили бьющуюся в припадке истеричку, и Шарко

излечивал ее гипнозом. Лечение - это театр, понял тогда Фрейд. Так и должна выглядеть клиническая практика нового образца.

Единственное, что Фрейду удалось получить у Шарко,- его произведения для перевода на немецкий. Он перевел несколько толстенных книг по гипнозу, овладеть которым так и не сумел.

Возвращение в Вену было тягостным. Рухнули все надежды. Он все же женился, влез в долги, переехал в большую квартиру на Берггассе, 19. Его доклад про истеричек, сделанный по итогам стажировки, вызвал у ученой братии глубочайшую скуку.

Продолжать исследования он не мог, врачи не подпускали Фрейда к своим больным. Ему, правда, предложили было управлять невропатологической службой при больничном институте, но он отказался: должность хотя и хорошая, но почти бесплатная.

А Фрейд хотел денег. Выход один - частная практика. Он дает объявления в газеты: "Лечу нервные расстройства разного типа". Оборудует одну из комнат в своей квартире под кабинет. Клиентов пока нет. Но Фрейд уверен, что будут. Он ждет. И вот появились первые. Присланные друзьями-врачами. Как же это утомительно - часами выслушивать их жалобы! Приходят, торчат в кабинете по полдня. И непонятно, что с ними делать.

- Чего мне с ними делать, Марта, а? - недоумевает Фрейд.- У меня и практики нет. Может, учебник почитать?

Учебник - по электротерапии - принес университетский друг. Фрейд тут же втыкает электроды в несчастных пациентов. Результатов - ноль. Пробует по образу и подобию Шарко гипноз. Тоже ничего не получается. Не любит он смотреть людям в глаза - еще с тех самых лицейских пор. Потом изобретает метод концентрации, накладывает руки или палец на лоб больному и начинает давить и спрашивать: что вас беспокоит, что, что? Потом от отчаянья пробует массажи, ванны, отдых, диеты, усиленное питание. Все напрасно. Трогать пациентов руками и мучить вопросами он перестал после 1896 года, когда больная Эмма фон Н. пожаловалась, что Фрейд ей только мешает.

После этих неудач Фрейд одумался и попытался сделать процесс неудачного лечения комфортным хотя бы для себя. "Я не могу, когда меня рассматривают по 8 часов в день,- говорил он вечерами Марте.- И в глаза пациентам тоже смотреть не могу".

Решение было найдено: пациента уложить на кушетку и сесть за его головой.

Обоснование: чтобы он расслабился и ничто его не стесняло. Другое обоснование: чтобы не видел идиотских гримас доктора в ответ на бред, который он несет. Третье обоснование: чтобы тот чувствовал давящее присутствие врача. И никаких вопросов: пусть говорит, что хочет. Это и есть метод свободных ассоциаций, обнажающий подсознание. Так рождались основные нормы и догмы новой профессии. Фрейд старался подстроить практику и законы психоанализа под себя самого. О многом из этого он рассказывает 15 марта в немецком медицинском журнале, впервые употребив термин "психоанализ".

Денег пока мало, но Фрейд чувствует - дело пошло. Он много работает, пишет книги и статьи, избегает праздности, курит по 20 сигар в день (это помогает ему сосредоточиться). Его кабинет уже иной: диван с креслом у изголовья, журнальные столики с античными статуэтками, картина, изображающая сеанс Шарко, приглушенное освещение. Постепенно Фрейд додумывает и прочие детали, обеспечивающие психоаналитику комфорт. Такую, например: сеанс должен стоять

дорого. "Плата за терапию,- говорит Фрейд,- должна существенно сказываться на кармане пациента, иначе терапия идет худо". В доказательство этого он еженедельно принимает одного бесплатного пациента и разводит потом руками: больной совершенно не прогрессирует (почему не прогрессируют - тема отдельная и достойная особых теорий, которые Фрейд излагал в безупречно яркой литературной форме и за которые в 1930 году получил премию Гете по литературе). В общем, за работу Фрейд брал много. Один сеанс стоил 40 крон или 1 фунт 13 шиллингов (столько тогда стоил дорогой костюм).

Постепенно Фрейд открыл и остальные основы ремесла. Например, ограничил время сеанса 45 - 50 минутами. Многие пациенты были готовы болтать часами, стремились задержаться подольше, но он выгонял их, объясняя, что временной прессинг - именно то, что поможет им поскорее избавиться от недуга. И, наконец, последнее и самое важное, основа основ - принцип невмешательства, не сочувствие, равнодушие к пациенту. Тоже чтобы стимулировать различные благотворные процессы. Понятно и другое: испытывать сочувствие - утомительно и неразумно, вредно для психического здоровья доктора. Практическая инструкция выглядит так: "Психоаналитик должен подолгу слушать, не выказывать реакции и только время от времени вставлять отдельные реплики. Психоаналитик не должен удовлетворять пациента своими оценками и советами".

К началу нынешнего века Фрейд уже понимал, что нащупал золотую жилу.

Распространявшийся атеизм вербовал для него армии клиентов. В воображении он ясно видел мраморные доски, которыми будут отмечены все вехи его великого пути, но слава запаздывала. "Мне уже 44 года,- пишет он в очередном письме своему другу Флиессу,- и кто я? Старый неимущий еврей. Каждую субботу я погружаюсь в оргию карточных гаданий, а каждый второй вторник провожу с моими братьями-евреями". Поворот к настоящей славе и большим деньгам произошел 5 марта 1902 года, когда император Франсуа-Жозеф I подписал официальный указ о присвоении Зигмунду Фрейду звания профессора-ассистента. Экзальтированная публика начала века - дамочки, попыхивающие папиросками и грезящие самоубийством - хлынула к нему рекой. Фрейд работал по 12- 14 часов в день и был вынужден призвать на помощь двух молодых сподвижников Макса Кахана и Рудольфа Райтлера. К ним вскоре присоединились и другие. Через некоторое время Фрейд уже регулярно по средам устраивал у себя дома занятия, получившие название Психологического общества среды, а с 1908 года - Венского психоаналитического общества. Здесь собирался декадентский бомонд, заседания вели не только врачи, но и писатели, музыканты, поэты, издатели. Все разговоры о книгах Фрейда, несмотря на то что расходились они плохо (тысяча экземпляров "Трех очерков по теории сексуальности" с трудом разошлись за 4 года), только увеличивали его славу. Чем больше критики говорили о непристойности, порнографии, покушении на мораль, тем дружнее декадентствующее поколение шло к нему на прием.

Показателем настоящей славы было чествование в 1922 году Лондонским университетом пяти великих гениев человечества - Филона, Мемонида, Спинозы, Фрейда и Эйнштейна. Венский дом на Берггассе, 19 наполнялся знаменитостями, запись на приемы Фрейда шла из разных стран, и он был расписан уже, кажется, на много лет вперед. Его приглашают на чтение лекций в США. Сулят \$10 тысяч: по

утрам- пациенты, днем - лекции. Фрейд подсчитывает свои расходы и отвечает: мало, вернусь уставшим и еще более бедным. Контракт пересматривают в его пользу. Однако полученные такой ценой деньги и слава омрачаются тяжелой болезнью: в апреле 1923 года его оперируют по поводу рака ротовой полости. Ужасный протез и мучительные боли делают жизнь отца психоаналитиков невыносимой. Он с трудом ест и говорит. К болезни Фрейд относится стоически, много шутит, пишет статьи о Танатосе - боге смерти, выстраивает теорию о влечении человека к смерти. На этом фоне бешеная слава лишь досаждала ему. К примеру, знаменитый голливудский магнат Самюэль Голдвин предлагал Зигмунду Фрейду \$100 тыс. только за то, чтобы поставить его имя в титрах фильма о знаменитых любовных историях человечества. Фрейд пишет ему гневное письмо с отказом. Та же участь постигла и немецкую компанию UFA, пожелавшую поставить фильм собственно о психоанализе. В 1928 году на европейские экраны выходит кино "Тайны души", в рекламе которого широко используется имя Фрейда. Фрейд устраивает скандал и требует компенсации. Приход фашизма еще более омрачает его жизнь. В Берлине публично сжигаются его книги, любимая дочь Анна, пошедшая по его стопам и возглавившая Всемирное психоаналитическое общество, схвачена гестаповцами. Семья Фрейда бежит в Лондон. К тому времени состояние здоровья Фрейда стало безнадежным. И свой конец он определил сам: 23 сентября 1939 года лечащий врач Фрейда по его просьбе ввел ему смертельную дозу морфия.